

Расшифровка интервью

Дата: 02.05.2021

00:00:02

Начинаем. Я Егоров Юрий Васильевич, 1928 года, 22 марта, рождения, мои родители — Егоров Василий Александрович и Екатерина Васильевна. Василий Александрович родом из деревни Володово, ныне Тверской губернии, деревни этой сейчас не существует. А Екатерина Васильевна питерская. Дед мой Василий Лаврентьевич, служил в армии, и там перед демобилизацией их учили, давали ремесло. Его выучили в плотники, ой, простите, в столяры. А мама жила с родителями, во времена революции они уехали из Питера, потому что батя мой тоже уехал из Питера, там работы не было, он из портных был, учеником, и работы не было, кому, простите, штаны шить, некому было. А его отправили, деда моего, Васю, отправили ученики, причем, что интересно, ему прибавили два года возраста, потому что он-то парень-то был крепкий, а по возрасту не положено было в ученики брать, ему прибавили два года, ну, кому-то там заплатили, видимо, и он пошел к портному Иванову в ученики. Он там успел выучиться на брючника, а в пиджачника не дошел. Началась заварушка 1917 года, и ему пришлось уволиться, уехать в Кувшиново. А моя мама, они тоже перебрались в Сычевку, это в Смоленской области город Сычевка, они жили там, причем жили они так: Василий Лаврентьевич плотницким, столярным делом занимался, столы, стулья, табуретки делал, а Марфа Александровна, моя бабушка, она занималась огородом, у них был хороший сад, и недалеко железнодорожная станция Сычевка была. И вот они там собирали, варили картошку, яблоки собрали, мама ходила на вокзал и продавала проходящим поездам. А батя мой, после того как он вернулся в Кувшиново, в Володово, точнее, там получилось так, что работы нет, а их восемь человек, у Степаниды Васильевны, детей. Что делать? Деда отправили на лесосплав на [нрзб], он там поработал, пока лесосплав шел, он работал, кончился лесосплав, перебросили его на рыбную ловлю на Селигер, тоже кончилось. После этого он вернулся в Кувшиново и поступил, батя мой, на железнодорожные рабочие, на ремонт путей. Там он работал не помню сколько, но получилось как, ходил вагон-лавка Ржев — Тверь для снабжения железнодорожников. И вот заведующий этой вагон-лавкой вместе с продавцом ухитрились то, что полагалось продавать железнодорожникам, они по спекулятивной цене продавали всем, кому угодно. На этом деле колым имели хорошие. Когда это дело раскрыли, заведующего вагон-лавкой расстреляли недолго думая, а рабочего объявили врагом народа. А в те времена объявление врагом народа — это не то, что потом было.

00:04:34

Это какой год?

А?

00:04:36

Какой год это?

Какой год? Ой, слушайте, надо посмотреть. Что-то 1925-й. Что-то 1925-й, по-моему, год. Встал вопрос, кого ставить заведующим вагон-лавкой и продавцом. Вагон-лавкой прислали матроса какого-то из Питера заведующего, а как единственного грамотного во всей округе поставили Васю Егорова продавцом. И так он начал там продавцом, потом завскладом, потом заведующим вагон-лавкой. И он всё время курсировал Тверь — Ржев. И на остановке, на Сычевке он встретил маму. Она торговала яблоками. Они познакомились, решили пожениться. И поженались. Но поженались они смешно. Они зарегистрировались, и Василий Александрович тут же уехал, он не мог остаться, он с вагон-лавкой поехал дальше. [Нрзб] не скучно жили. И он вернулся через полгода только. Ну и потом он поступил, батя мой, поступил, значит, в имени Сталина какое-то учебное зав[еждение]. Забыл, там написано у меня. Кончил его, он, как хорошо учившийся, перешел на имени Молотова. Кончил там.

00:06:32

Это на кого он учился?

А?

00:06:34

На кого учился?

Экономист. На экономиста учился. И он... Как получилось, что он кончил эти курсы свои-то, как их назвать, я не знаю, там удостоверения лежат его. Так, что-то я сбился маленько. Они с мамой собрались, и отец уехал в Питер. В Питере они пожили недолго и вернулись в Москву. Деда, моего бату, назначили председателем Облпром... Союзпромискома. По тем временам это считалось нормальным. Вроде как в начальство выбился. И дали им комнатку в Москве, маленькую, маме и [папе]. Вот это уже в 1927 году, в 1928 году я там родился. В Курбатовском переулке, ныне улица Климашкина. Дома этого сейчас нет, там дом снесли, громадный дом построен. Специально ездил, смотрел. Вот так вот, а дед, его назначили, а поскольку портной был, в общем-то, неплохой, по штанам в основном, его назначили директором фабрики швейной. А он уже в партию вступил. Директором швейной фабрики назначили, но понял, что [нрзб], грамотешки-то не хватает, надо учиться. И он поступил в этот Институт имени Сталина. Потом он этот кончил, его назначили директором швейной фабрики «Вперед» в Москве. Четыре года избирали в Московский совет, депутатом Моссовета четыре года избирали его. Потом его отправили на улучшение квалификации. Там напи[сано], я не помню, честно говоря. Его отправили, он кончил, его отправили, деда, моего бату, в Наркомторг СССР. И там он работал заводским. Интересное кино. Было два... Был заведующий нарком, этой самой знаменитой театральной деятельности. Как же его фамилия? Его расстреляли потом. Было два отделения, одним заведовал Павлов, а другим заведовал Егоров. Забыл, как его фамилия. Василий Александрович Егоров. Послали, когда он поработал, оргбюро каким-то постановлением отправили в Донецк на усиление. Стоило деду уехать, весь дедов отдел расстреляли, арестовали, а заведующего отдела расстреляли. Дед говорит, такой толковый мужик. А группу Павлова — никого не тронули. Он впоследствии стал министром торговли, Павлов. Вот я не говорил. А дед уехал, поработал там, он маму уговаривал: «Давай перебраться в Сталино». Мама говорит: «Нет!» А она уже, как говорится, тертая была, она знала, что происходит, как чувствовала. «Я в Москву не поеду [нрзб]». Что и хорошо. В июле деда арестовывают, а я в это время был в пионерлагере в Мариуполе, санаторий, тьфу, черт, пионерлагерь «Белая дача». На самом берегу Азовского моря. Приезжает мама, говорит: «Папу переводят, — а она уже тертая была, — переводят в другой город». Она меня забрала. Мы идем на вокзал, я спрашиваю: «А куда папу переводят?» Она говорит: «Юра, папу арестовали как врага народа. Должны разобраться. Его отпустят». Разобрались через 18 лет. Приехали мы в Сталино.

00:11:40

Это папу или дедушку?

А?

00:11:42

Это папа или дедушка?

Это отец мой.

00:11:47

Это ваш отец?

Да.

00:11:48

Расскажите поподробнее. Расскажите подробно, за что арестовали, как был арест, что то вот...

Анекдот. За срыв снабжения Донбасса картошкой и мылом. Картошку никогда Донбассу не выращивали и не давали. А мыла тоже не давали, шахтерам мыться нечем. Свалили всё на Василия Александровича Егорова. Срыв. Так его обвинили. Срывы поставки. А он еще что сделал? Деньги-то оставались. Вот эти деньги, которые на картофельные хранилища, которых не будет, он расходовал на пользу дела. И увидели, что он использовал эти деньги, из-за этого сорвали снабжение Донбасса картошкой. Ну тамошние были чудеса.

00:12:46

А его арестовали где? В какой, где он был в этот [момент]? В момент ареста где он был?

Он на работе был. Говорит: «Иду, — арестовали, — иду, навстречу народ: “Василий Александрович!” А как увидят конвоира, все шарахаются в сторону». Ну приехали мы в Донецк.

00:13:10 **Расскажите еще. Кто его судил? Кто его арестовал? Какой номер статьи?**

Статьи?

00:13:19 **Да. Какая статья?**

Ой, это надо посмотреть, я не помню. Знаешь, «контр», 58-я. Ну не имел за собой никаких грехов, в общем-то. Он был довольно изрядный бугор, у него персональная машина была ЗИС-101. Это в 1938 году. Меня к этой машине не подпускали. Дядя Тима был шофер у него: «Василий Александрович, пусть Юра хоть посидит в машине». — «Нет. Машина служебная, это не игрушка». Вот так вот. Строгости были. А арестовали — пришли к нему в кабинет: «Егоров...» Идут его в кабинет, к нему обращаются, по коридору. К нему обращаются, видят, что его ведут, все шарахаются в сторону. Он мне потом рассказывал, как это дело было. Я помню, что летом было дело, я был в пионерлагере. А когда точно арест был, я не помню. Вы знаете, а здесь нет даты. В протоколе обыска нет даты. Записная книжка. Личный листок по учету кадров. Автобиография. И винтовка малокалиберная, конфискованная. [нрзб] Интересно, мы с ним стреляли иногда ездили. Всё?

00:15:03 **А кто проводил, там не написано?**

А?

00:15:05 **Кто проводил обыск? Кто проводил обыск?**

Обыск?

00:15:10 **Кто? Кто обыскивал?**

Сотрудник второго отдела НКВД. О, есть! Второго июля арестовывали его. Второго июля. А кто проводил обыск, фамилии нет. Проводящий обыск, очень неявная подпись, какая-то закруглен[ная]. Фамилии нету производившего обыск. Это секретное, наверное, было. Вот так.

00:16:02 **А кто такой Кузьмин?**

А?

00:16:03 **Кто такой Кузьмин?**

Черт его знает. Я как-то батю не спрашивал там. Вы знаете, он вообще не очень охотно рассказывал свои приключения. И он, и его приятели, они не очень-то рассказывали свои дела. Единственное, что я только у [нрзб] Ивана Васильевича кое-что мог выпарпать. Преподаватель философии киевского какого-то института. Вот он что-то мог рассказать. А остальные молчали. Им тяжело, наверное, было вспоминать. А что дальше?

00:16:53 **Дальше, вы сказали, что мама приехала к вам.**

А, мы с мамой приехали в Сталино. Входим в квартиру. Комнаты опечатаны все. На кухне валяются два матраса, две подушки, два одеяла. Я до сих пор удивляюсь: неужели у кого-то нашлась какая-то человечность, что вот это дело бросить на пол? Удивительно. Мы переночевали, позавтракали, покушали утром, пошли в НКВД. Взяли вещи с собой, что у нас было. Я спросил: «Мама...» Она говорит: «Оставь всё, не трогай». Пошли в НКВД. Она меня оставила с вещами у входа в НКВД, вышла и сказала: «Никаких свиданий, пока идет следствие». И мы с ней поехали сразу на вокзал, сели в поезд и поехали в Москву. Больше уже в эту квартиру мы не заходили. Приехали в Москву. Вот тоже любопытная деталь. Квартира, коммуналка, семь семей, Арбат, 35. У меня есть фото, даже наши окна бывшие. Арбат, театральное общество сейчас там. Никто ничего не спросил. Никто. Что произошло, как? Что вот так приехали. Мы кушали хорошо с мамой, а так стало питание: щи, суп иногда, пшенная

каша и столичные котлетки, которые когда-то около мяса лежали. Это было наше питание. Мама устроилась швеей надомницей и шила [нрзб] кителя. На каждый китель нужно было пришить 12 пуговиц. Это была моя обязанность. Принести заготовки, унести, сдать в артель. Это где-то в районе Кропоткинской. Вот я должен был пришивать пуговицы, забирать заготовки и относить, сдавать в кладовую готовое. А соседи никто не спросил ничего. Вы понимаете? Даже или от страха, или от сочувствия, я не знаю почему, но никто. Даже уполномоченный НКВД по нашей квартире Абрам Ефимович Закс ничего не сказал. Это выяснилось гораздо позже. Вообще, проклинать уполномоченных НКВД за то, что они были уполномоченными, нельзя. Попробовал бы кто отказаться. Я по себе знаю, меня в милиции шантажом заставляли сексотом стать. Меня выручил начальник цеха, но это уже позже, Костиков Дмитрий Иванович. А вон он, батя... А Абрам Ефимович сказал Екатерине Васильевне, маме моей, что «скажите Юре, чтобы он при мне язык не распускал». А я болтал [нрзб] еще. И мне мама сказала: «Юра, ты при Абраме Ефимовиче язык не распускай». Ну я тоже был не тупой совсем и перестал. Вот так мы жили. Моя обязанность была пришить пуговицы, сварить суп, иногда кашу. И еще ходить в школу и в Дом пионеров районный, в исторический кружок. Я удивляюсь, как я мог так вертеться. Исторический кружок, руководил Александр Феоктистович Родин. Была такая игра московских школьников «Знаешь ли ты родную Москву и ее окрестности?», и вот там нам Александр Феоктистович сказал, по тем временам немножко резковатое выражение было: «Ребята, изучайте историю, вам поможет избежать многих ошибок в жизни». И мы занимались в историческом кружке. Я имел тему «1812 год, французы в районе Арбата». А мой приятель, дружок из квартиры... Нет, я «Русские в районе Арбата», а Витька Тимохин — «Французы в районе Арбата». И мы занимались, мы еще... А нам выдали путевки. По этим путевкам мы бесплатно, за что нас купили, посещение бесплатное всех музеев Москвы. Вы понимаете? Там 5-10 копеек стоил билет-то всего, но всё равно бесплатно. Тем более что мы бесплатно в трамваях, троллейбусах, автобусах. Это честь считалось, что проехать бесплатно. [Нрзб] заплатить. Ну, пацаны, 10-12 лет. И мы занимались в этом историческом кружке. Я куда-то уже съехал в сторону.

00:23:13

Расскажите еще про [то], как вы жили в этой коммуналке. Что вы еще из детства помните? Какие-то счастливые моменты или самые трагические? Как к вам относились в школе?

Самое тяжелое время было — это когда мы вернулись в Москву. Первое, что мама сделала, она взяла мою метрику, конверт, написала письмо бабушке в Володово. Положила туда, короче, денег немножко, сколько-то у нее было, и в пальто, в карман внутренний зашила. И сказала: «Юра, если меня арестуют, беги на Ленинградский вокзал, поезжай до Кувшиново и к бабушке иди, расскажи всё, что было, и письмо отдашь». Смешная жизнь пошла, та еще. Квартира большая, приходят днем и ночью. Как звонок общий — мама вскакивает. Соответственно, и я тоже. И так месяца полтора-два продолжалась вот эта жизнь в страхе, что придут, маму заберут. Обошлось.

00:24:48

А у кого вы там жили? Это чья квартира была? К кому вы приехали?

Квартира отца. А у него получилось, мы в эту квартиру получились как. У него был приятель Серебренников. Они учились вместе, этот Серебренников жил в этой квартире на Арбате. Она была разделена на две части, в одной он жил с женой и сыном, а в другой сестра его. Когда его направили в Сталинград, что делать? Сестру одну с кем-то оставлять. Они с дедом с моим договорились, Курбатовский переулок, квартирку маленькую, а мы получили эту на Арбате. И так обменялись. Так мы остались в этой квартире. Вот такие были дела смешные. Ну что там еще? А потом началась работа. Я говорю, я вкальвал. Я успевал пришивать пуговицы до осени 1940 года. С осени 1940 года артель «Красный швейник» перешла полностью на пошивку солдатского белья. Осенью 1940 года. Мне было легче с пуговицами, но таскать было гораздо больше и много. И мама шила солдатское белье. А там никаких биров, там прямо на подоле рубашки, на кальсонах черной краской отбит размер был, и всё. Пуговиц не было, всё на завязках. Вот так вот. И еще готовка моя была, и заниматься, школьное самое, и по музеям ходить еще. И как я успевал?

00:26:50

А какой характер у мамы был? Какие у вас были отношения?

Мама... Крутой. Но, вы понимаете, она могла с людьми поговорить по-человечески и могла заставить. У нее получилась такая история. Она работала в этой швейной артели, а там такие пройдохи были начальство. И баба Катя часто заступалась за работниц, за швей, которые в цехах работали. А уже после войны, когда я вернулся из эвакуации, она уже работала в артели

в швейной, уже в цеху. Мама поругалась с начальством. Ее наказали, отправили на ремонт меховой одежды, а это меховая одежда, снятая с раненых, с убитых. Считалось, что она чистая, в крови. Понимаете, для женщин, у которых люди на фронте, это было страшно. Бабе-то было, маме, легче. И она сумела организовать так работу, что они отлично отработали, качественно и маму — награду, а ее наказали за то, что она с начальством поругалась, отправили на эту работу. Она организовала работу, ей сказали: «Екатерина Васильевна, мы вам предлагаем пойти в мастера по швейным машинам, курсы». Она согласилась. Как она потом говорила: «Я когда эти курсы кончила, мое начальство за версту шляпы снимали». Механик, план! Она, ну она сурового характера. Дед был мягче. Кстати, у меня и сыновья тоже, старший очень в деда Васю, а младший в деда [нрзб], жесткий. Вот такая же. А потом, я не знаю, это касается? Меня военкомат привлек к подготовке разведывательно-диверсионной группы, вы «Звезда» смотрели кино, читали? Вот нечто подобное готовили нас. Гоняли нас страшно. Два дня в неделю выходной, и один день освобождали от работы. А я разгильдяй, я раз знал, если в военкомат нужно, значит, полчаса можно опоздать. Я опоздал раз. Прихожу — никого нет. Там офицер какой-то, не помню: «Ты где был, разгильдяй?», туда-сюда. Говорит: «Вас распустили до особого распоряжения». Только мы должны были учиться прыгать с парашютом — и нас распустили. «Я тебя накажу, будешь сидеть разбирать картотеку. Ну, разбирать картотеку, выписывать повестки. Но учти, если на личной карточке стоит звездочка, этих не трогай». Я говорю: «А что?» «Это, — говорит, — наши люди». Я смекнул быстро, какие это наши люди. Сижу, разбираюсь. Идет какой-то мужик, [нрзб], посмотрел на меня: «Ты что делаешь?» Я говорю [нрзб]. Ладно, пошел офицер в кабинет. Выходит: «Где живешь, кто ты есть?» Я доложил. Он пошел что-то. Через пару дней мне вызов в милицию. Домой. Мама: «Ты что натворил?» Пришел в цех Костикову, говорю: «Дмитрий Иванович, вот». — «Ты что натворил?» Обязательно что-то натворить надо было. Прихожу в милицию. Сидит мужик уже в военной форме, милицейской: «Ты знаешь, что у нас много врагов, надо милиции помогать, ты должен поступить в секретные сотрудники и докладывать всё, что...» А я из упрямства сказал: «Не буду». — «Как не будешь? Иди домой подумай. Вот я тебе повестку подписываю, придешь в следующий раз, согласишься». Я пришел к Костикову, рассказал Дмитрию Ивановичу, начальнику цеха, он говорит: «Не подписывай. Если что, я тебя буду назначать на работу в вечернюю смену, в журнал записывать». Так и делали. Три раза. Он мне присылал повестку, не подписывал, а я приходил к Костикову, меня в вечернюю смену, на какую-то съемку, куда-то еще там, записывал в журнал работ. А потом приехал батя.

00:32:40

Подождите. Это какой был год?

Это был год 1947-й, 1946-й, 1946 год. Нет, 1947-й. Или 1946-й.

00:32:55

А как вы вообще тогда относились к власти? Что вы про Сталина думали в то время?

Вот эти, я молчал. Я уже многое понимал, я молчал. Такие разговоры. Ну, группа-то наша была хулиганье хорошее. Там те еще хулиганы были. И я в том числе. Еще всё были старше меня, а принимали-то в группу не по метрике, а по комплекции, по силе. Поэтому меня сходу приняли в эту компанию хулиганья, прямо скажу. Кстати, из этого хулиганья два толковых парня вышли. Один стал полковником, а второй — адмиралом. Из этого хулиганья, из компании. Приезжает батя. Вы про «Портвейн» самолет знаете? Нет. У директора комбината был персональный самолет, Ли-2. Этот самолет летал, возил директора, в том числе за пивом в Красноярск. Все прекрасно знали: полетел за пивом в Красноярск для Зверева. И привозили несколько человек, «стокилометровых», для работы в ГУЛАГе. Контра, но высококачественные специалисты, экономисты, строители. Их привозили, везли на «Портвейне». Везли двое суток, потому что Норильск, Красноярск, Москва, прямого рейса не могли они долететь. Там ночевать где-то. Их сопровождал офицер в форме. Тоже юмор. Этот офицер служил не для того, чтобы не сбежали, а для того, чтобы излишне любопытного отпугнуть. Это внутри МВДские дела. Он отпугнуть должен был. И приходил, привозили их в Москву, в Быково, Внуково не сажали самолет, сажали в Мячково. Подъезжал автобус прямо к самолету, их в автобус, везли на Лубянку. На Лубянке у них уже были фотографии, выдавали пропуска на Лубянку. И везли в гостиницу, тогда [нрзб], теперь «Пекин». Селили весьма прилично. А там уже отработал — ходи куда, что хочешь, но ночевать в гостинице обязательно. Чтобы ты вечером был в гостинице. И вдруг... Начать с самолета?

00:36:24

Да, что значит «Портвейн»?

У директора комбината, сначала у Позднякова, потом у Зверева был персональный самолет Ли-2. Бортовой номер его был 777, а всем было известно, портвейн самый ходовой был «777».

Поэтому самолет тоже звали «Портвейн». И на этом «Портвейне» возили вот этих «стокилометровых», констрикторов, возили в Москву на работу. Вот такая была история. На «Портвейне». А потом папа приехал.

00:37:05

А расскажите, до этого письма, посылки, что-то было?

Вы знаете, вся переписка пропала. То, что были, переписка мамы с отцом, всё пропало. Получилась дурацкая история. Мы когда переезжали из Теплого Стана, случайно в общей куче, все кипы писем, заявления, всё попало в общую кучу мусора. Так жалко! Ну, ничего не поделаешь. Так что переписки не осталось. Но есть фотография, батя мне прислал, с кем-то.

00:37:48

Давайте найдем ее.

Еще один факт был. Перед самой войной телефонный звонок: «Екатерина Васильевна». Мама подходит: «Так, куда, когда?» — «Придите по такому-то адресу, идет вдоль Арбата переулок, придите в такую-то квартиру, спросите того-то. Я привез письмо от вашего мужа». Мама поехала. А ей говорит там этот человек, который приехал, мне мама не говорила, кто это: «Екатерина Васильевна, я могу взять в килограмм примерно передачу Василию Александровичу, но только не больше килограмма. Лучше пошлите ему витамины». Мама пошла, купила и передала с этим человеком. Вот кто этот человек был, неизвестно. Кто это был, человек? Он привез вот эту фотографию. Нет, не эту фотографию. Короче, вот нашелся такой человек, причем явно вольняшка. И взял посылку, деду передал. Вот такая история была.

00:39:17

А куда он уехал? В какой лагерь? В какой лагерь он уехал? Куда его сослали? В какой лагерь?

[Нрзб] Его эшелонами отправили в Красноярск, их троих: Белько, [нрзб] и Егоров. В один день судили, в один день их отправили в Красноярск. Вот Годлевского... Тут вообще про Василия Александровича Егорова кое-что интересное написано. Это был тот хмырь, конечно. И руководитель, и возмутитель спокойствия. Но Биргера выписка из личного дела Красноярского, я потерял куда-то, где-то лежит, не знаю. Вчера весь вечер вертелся, не нашел. Там что ему два года, деду, сбросили, а потом еще четыре года сбросили. А он что сделал? О! Удостоверение вот это вот.

00:40:29

Достаньте.

Он навел порядок в финансовых делах. Сначала в [нрзб] предприятиях, а потом Глушков доложил Звереву, их освободили, Ходынского, Краснобаева, Егорова. И они занялись финансами комбината. И им всем троим по четыре года сбросили. Они навели порядок. А творили. «Я, — говорит, — боялся. Был Гирс когда, я боялся, потому что к нему иногда...» У Лышкова было три зама. По трем направлениям.

00:41:10

Это где, это в Норильске всё?

Уже в Норильске. Когда их там везли в барже, там дед всё командовал. Группы уже вокруг него объединялись. А потом, когда привезли, их раскидали по разным лагерям, уже всё кончилось. Он год проработал на общих работах, а потом его в [нрзб] комбината перелили. У Глушкова было три зама: металлургия и обогащение, горное предприятие, железная дорога и вспомогательное предприятие, которое достанется Егорову Василию Александровичу. А он говорит: «Я как посмотрел, мне страшно стало, что творили». Причем к нему приходили офицеры, требовали делать незаконные вещи. Он отказывал, ему грозили кулаком: «Ты сволочь такая! Ты вредил, сейчас вредишь, это нужно для дела, для работы. Мы тебе морду набьем». Я даже слышал такое, что он даже кинулся на деда. Довольно известный потом тип. Но в это время, на счастье деда, вошел Бронштейн, главный [нрзб] комбината Исидор Карлович. Ой. И он: «В чем дело? Пошли к Глушкову». А Глушков подтвердил, что Егоров прав. И этот тип больше у деда не появлялся. Руководитель довольно крупного предприятия.

00:42:51

А что он хотел?

Я не знаю, что он хотел, но хотел этот тип что-то совершенно незаконное сделать. Знаете, я не лез в эти финансовые дела. У меня в голове всегда была электрика, я думал только об этом. А что там, какие там дела, я не знаю. Ну вот такой был факт, что Бронштейн фактически деда спас. «Потому что если бы меня ударил, — а дед же был мужик-то ничего — я бы его свалил бы. И чем бы это кончилось, я не знаю». Вот так. Ну что дальше еще рассказать? Вот это вот первая его справочка или... [Нрзб] первый выход в свет по финансовым делам. Здесь не указано, что он заключенный. Работник Егоров Василий Александрович. Знаете, в Норильске сколько там было много таких, как мы, не принято было попрекать кого-то там, что ты контра. Но хотя находились. Один деятель, когда я с ним вступил спор по чепуховскому поводу, публично заявил: «Что с него взять? Сын врага народа». В аудитории. Это помогло найти мне друга, Виктора Володина. Виктория Валерьяновна, вы были? Володина. Так это ее муж. И мы с ним поняли, что мы одной крови. Он подошел ко мне после этого и сказал: «Юр, что ты трогаешь? Не трогай, оно вонять не будет». Я понял, я понял, но мы сдружились с ними накрепко. С Викою мы подружились в 1948-м по общественным делам, а с Виктором вот тут мы подружились, поняли, что мы одной породы.

00:45:16

Вы переехали в Норильск, вы поехали в Норильск к отцу или как вы там оказались?

Как ехали?

00:45:22

Нет, как вы вообще оказались в Норильске?

А-а. Я работать пошел в 1943 году. На клепку понтонов. Когда клепка понтонов кончилась, я попал в больницу. Я простудился, я чирьями покрылся, и у меня лимфаденит дикий был. Меня в больницу определили. Опять же, мир не без добрых людей. Врач, старенький старикашка, посмотрел, меня мама привела, у меня 40 температура и вся спина в чирьях. «Немедленно в палату. Сестра, вымыть его — и в палату. Иди, мамаша, останьтесь». Он сказал: «Знаете, его дела плохи. Его может спасти только усиленное питание. Если сможете, попробуйте каким-то образом достать жиров». Мама исхитрилась. Она по моей карточке. «Карточки его продуктовые не сдавайте, только хлебные. А продуктовые карточки оставьте». А за такие вещи от трех до пяти лет сходу давали. А он говорит: «Я договорюсь с сестрой-хозяйкой». У меня карточки, она принесла мне американской ээкон. Такие квадратные баночки, и ключиком отвинчивают. Сказала: «Один ломтик утром, один ломтик вечером». И вот так меня вытащили. Она, дело прошлое, она потом принесла второй. Я понял, что это она свой принесла, свои жиры. Мама. Я спросила, она говорит: «Ну ладно, господи, хоть ты живой остался». Я уже работал пиротехником. Нет, я уже кончил школу вечернюю, поступил в техникум в Москве. А дед приезжал к нам, приходил. Но ночевал он там, Абрам Ефимович Закс моей маме говорит: «Екатерина Васильевна, а вами интересуются». А мама тут смекнула мигом, кто нами может интересоваться. Батя был в Москве в это время. Она сказала батю: «Беги скорее на Гоголевский бульвар, оформляйся в Норильск, вербуйся». А контора норильская была на Гоголевском бульваре, там где шахматный клуб сейчас, там был Дальстрой, Дальневостокстрой и норильский. Там были конторы. А на пятый день мы уже сидели в самолете. В Быково, лететь в Норильск. Оформили всё там, что надо. В Норильск лететь. Летели два дня.

00:48:55

Я не понял. Отец был в Москве. Или кто был...

А его очередной раз привезли, батю на работу в этом ГУЛАГе, его привезли опять в очередную партию, и он работал. И он ходил к нам вечером, приходил, но там где-то кто-то увидел что-то. Я не исключаю, что в квартире мог быть дубликат еще. Хотя я на кого подумать не мог, кто бы мог. Но не исключено. Мама пошла в контору, завербовалась в Норильск. Он позвонил знакомым, нам быстренько оформили всё. И мы смылись в Норильск. Прилетели в Красноярск, нас там встретил Петр Михайлович Попков, начфин конторы комбината в Красноярске. Тоже бывший сиделец. Он нас устроил в гостиницу и устроил билет на пароход «Спартак». Поехали на «Спартаке». Впечатление... Он тогда еще колесный был и на дровах. Едет-едет, причаливает — всем грузить дрова на этот «Спартак». Ну, приехали в Дудинку. Писарев [нрзб]. Тоже сиделец бывший, встретил нас Писарев. Тоже встретил, устроил в поезд. Ехали-ехали, приехали в Норильск. Бабанин Петр Михайлович. Передавали. Он нас встретил, помог уехать и в эту комнату [нрзб]. Помог перебраться. Вот такая взаимовыручка была.

00:51:01

И вы приехали, и что начали там делать? Где работать, где учиться?

Батя мой через несколько дней приехал. Но я пошел в техникум, сдал документы на поступление, 31, 30-го числа иду в техникум, спрашиваю, когда что. А мне говорят: «А вы не приняты. Вас мандатная комиссия не пропустила». — «Как?» «А так, — говорит, — не пропустила мандатная комиссия». Мама на почту, деду звонить на работу. Он говорит: «Не дергайтесь, я здесь улажу». Через пару дней прибегает мой приятель, Валька Бабанин: «Юра, тебя Сорокин вызывает, директор техникума». — «Товарищ Егоров, вы приняты. [Нрзб] ответит Медведовскому, а он в курсе дел». И так я попал в эту группу электриков, что я и хотел. Вот так. Такие чудеса были.

00:52:24

А вы указывали в анкете, про отца что вы писали?

Ничего. Я открою больше. Я документы не сдал в техникум. Когда выпуск техникума, пришла секретарша: «Егоров, мы ваши документы потеряли». А я [нрзб]: «Я их не сдал». — «Как не сдавали?» — «Я их не сдавал». — «А как же вы учились?» — «Так и учился». А у меня уже диплом на руках. Вот так вот. Я сказал Сорокину, надо было документы сдать, он говорит: «После сдадите». А после учился я без документов. Вот так. Ну я там вообще с ними делами занимался, в редколлегии, спортом занимался много.

00:53:19

Каким спортом?

А?

00:53:21

Каким спортом?

Баскетбол, волейбол. Играл в баскетбол, играл в волейбол. А руководителем у нас был Пантелеймон Федорович Федоров. Выпускник этого знаменитого института физкультурного. Потом он был... И когда чистку провели в техникуме, из всех приличных преподавателей, это когда я на четвертый курс пришел, всех выгнали. Поставили кого-то умного, а такую бестолочь поставили. Ужас! И потому что Федорова выгнали. А потом, уже много лет ребята мои учились в 5-й школе, я прихожу — Пантелеймон Федорович! «Здравствуй, Юра». А оказывается, он физруком в 5-й школе в Норильске был, работал. А я и не знал.

00:54:23

Вы помните день смерти Сталина?

Кто?

00:54:27

День смерти Сталина помните?

Помню. Я работал в ночь. Я дежурным инженером работал уже до этого. Лежу на диване, слушаю радио. Срочное сообщение: Сталин умер. А батя на кухне был. Я: «Пап, Сталин умер». Он приходит. «Вот, — говорит, — сейчас начнется дележка власти. Начнут рвать друг друга». Как в воду смотрел. Прихожу на работу. Кто хихикает втихую, а кто плачет. Кое-кто плачет. Но я не плакал и не хихикал. Вот так вот, день Сталина смерти. На площади громадная толпа на Гвардейской. Толпа, музыку там играли. Опять кто ухмыляется, а кто плачет. Каждый по-своему. Я не плакал и не ухмылялся. Я тоже знал цену всему. Вот так вот, день [смерти] Сталина. На особых... Кстати, спиртное запретили в городе продавать. На день похорон Сталина спиртное запретили продавать. Все рестораны, всё закрыли, свадьбы там, всё отменили в день похорон. Всё отменили в Норильске.

00:56:21

Как вы относились к Сталину?

А?

00:56:24

Как вы относились к Сталину?

Я? Неоднозначно. Сейчас. Я сейчас неоднозначно. Потому что он был сволочь хорошая. Безусловно. Но надо понять, что он руководил страной в страшное время. Со мной очень многие... У меня смешная ситуация. В старые времена меня считали контрой, а сейчас некоторые считают сталинистом. Я считаю, китайцы очень поступили мудро. Они опросили народ, что больше сделал Мао Цзэдун, хорошего или плохого? И у них получилось, что всё-таки хорошего он сделал больше. Они к нему стали относиться нормально. Вам, может быть, это не понравится, но я имею свое мнение. Время было страшное, и без сильной руки я не знаю, что бы мы делали. А то, что он сволочь, он людей уничтожал, для него это было раз плюнуть. Даже ближайших соратников и ленинских соратников поуничтожал. Такое мое мнение.

00:57:56

А папа как к нему относился и мама?

Мама? Безразлично. Мама безразлично. И отец. Мы его не обсуждали. Вот единственное, что он сказал, сейчас начнется драка, рвать власть начнут. Мы с ним больше не обсуждали эту тему. Никак. Больше я на работе с народом, с вольняшками, у меня вольных было много и много заключенных, особенно бандеровцев. Вот где... О-о-о! Это вообще! Это то еще племя, бандеровцы. Я сделал замечание машинисту, дежурный инженер питательных насосов. Он говорит: «Дурак, Гитлер, коммунистов убивал и евреев, надо было всех москалей убивать, тогда б мы зажили». В лоб! Я не стал в спор вступать. Я повернулся и ушел. А что мне оставалось делать? Уборщица, Стануль. «Стануль, как же ты могла людей...» — двух офицеров отравила — «...как же ты могла?» «Да разве ж то люди, то москали». Вот так. И Бандера... На топливopодаче, на подаче угля сплошь бандеровцы работали. Они работали хорошо. Зачеты, я, дежурный инженер, зачеты им подписывал. Понимаете, ведомость на зачет за два дня три дня зачетов. Они вынуждены были хорошо работать. Но у них было, в тепле они были, у них на вольном складе теплушка была, и шлаковоза была теплушка, шлаковая. Их устраивало. И вот, когда это восстание было в лагере, на [нрзб] не было никого, не восставали, бузу не поднимали. Им это невыгодно было. Они боялись потерять хорошее место. Вот так. Вот я вам наговорил.

01:00:38

А вы можете еще раз по папе, все его перемещения, папины. Арест, потом его не депортировали, а как это, ну, сослали в Норильск, сколько он там пробыл, ездил в Москву, просто по годам последовательность его перемещений. Вот коротко рассказать.

Мы переехали на Арбат. Значит, мы жили больше на Арбате, отец жил в Сталино. Потом мы поехали в Сталино, Новый год встретили, 1938-й, в Сталино. И там меня в лагерь отправили в пионерский, а там мы уже уехали. Батя приезжал когда на «Портвейне», он к нам приходил, но долго не бывал. После реабилитации, он работал в [нрзб] комбината, потом его перевели, еще не реабилитированного, [нрзб].

01:02:11

Это какой город, где это было?

Год?

01:02:14

Город, город и год.

В Норильске всё. Так. И он работал, потом его скинули, прислали какого-то партийного, поставили замом. Он говорит: «Я всё равно делал то же самое». Знаю фамилию, не буду называть. Он не виноват, его поставили. Потом, где замом работает, звонок. Звонит мама на работу: «Вася, тебя реабилитировали». И дед расплакался на работе. Это Василий Александрович Егоров расплакался, зарыдал. Там сбежались: что такое? Вот такое дело. Пришли его поздравлять, причем и люди приличные, и те, которые на него плевали, тоже пришли поздравлять. Папа пришел домой. А я был в это время в Сочи. Мы с Мишей, братом жены моей, там еще друзья были. Прошли только [нрзб] маршрут, а я каждый год выезжал в спортивные, туристские походы проходили всё время. Мы не сидели в доме отдыха особо, это нам не интересно было. Правда [нрзб] плакала: «Куда ты меня ведешь?» А потом: «Куда поедем в следующий раз?» И в Среднюю Азию, Кавказ, и Карелию, где мы только не побывали. Я звоню в Москву, до мамы не дозвониться, приятельница мамы, Вашкевич Елизавета Казимировна: «Юрочка, Василия реабилитировали». Я говорю: «Как?» — «Да, вот так вот». Уже ей в Москву сообщили. А у нее тоже мужа посадили. Казимира [нрзб]. Мы с Мишкой пошли в магазин, купили бутылку красного вина, копченую скумбрию, сели там, где тоннель [нрзб] в Сочи. Сели на парапет и, закусывая скумбрией, опустошили эту бутылку красного

вина. Потом пошли на турбазу. Причем там на турбазу выпивши нельзя. Так мы через забор в палатку с ним проникли, чтоб нас не поймали. Вот так вот. А потом уже, когда приехал я в Москву, и потом сразу в Норильск поехал.

01:05:23

Как папина жизнь закончилась?

Плохо. Вы понимаете, это... Кыштымская заварушка. Вызывает батю моего Павлов. А они знакомы были. Когда Павлова группа уцелела. «Василий Саныч, слушай, там беда на Урале, в Кыштыме. Там радиация. Говорят, что детей не будет. У тебя, ты уже старый, пожилой, у тебя эти... Поезжай ты, я не могу послать туда молодого». И дед поехал. Обком дал им машину, в этой обкоме [машине] ехали шофер, инструктор Обкома, представитель Министерства здравоохранения и представитель Министерства торговли. Причем Павлов сказал: «Василий Саныч, твои распоряжения, я всем скажу, должны выполнять так, как мои». Не чрезмерные особенно, ну потому что людей там фактически голыми выгоняли, без всего, с Кыштыма. И дед там месяц провертелся. В один не очень прекрасный момент... «Устали, — говорит, — страшно. Едем, речка, бабочки, птички. Давайте отдохнем на берегу речки. Мы отдохнули, полежали. А приехали, рассказываю. “Что сделали? Вы себя убили”». Это речка Теча знаменитая, а они там полежали на берегу. И через месяц у деда началось белокровие, в больницу раз, в больницу два, работать кому-то надо. Деду пришлось уволиться из торговли. А, кстати говоря, в торговле и [нрзб] Норильску помогал изрядно дефицитными товарами. Где что-то лишнее можно было толкнуть, то толкал в Норильск. Павлов смотрел так с ухмылкой, но понимал. Дед помогал здорово Норильску.

01:07:59

Расскажите про Кыштымскую аварию. Его как кого туда отправили? И что он там делал?

А надо было людей одеть, обувь. Снабдить. Ведь ни посуду, ничего не разрешили взять. Так ничего взять не разрешили. Вот как был, так пошел. Надо было какую-то посуду, обиход какой-то. Всё снабдить надо было людей, которые переселяли. И всё это бесплатно делалось, между прочим, за счет государства.

01:08:42

То есть он умер именно в больнице уже, да? После аварии.

Умер он в больнице. Вот пару раз попадал. Потом говорит: «Мне тяжело ничего не делать». Он договорился с Гальпером, начальником московской конторы, начинали строить, озеро Белое, дом отдыха. И дед взялся курировать это дело в конторе. Он поработал пару месяцев, и всё. Попал в больницу. И уже после из больницы он не вышел. На Перова, там эта больница, корпус был для старых членов партии и репрессированных. Ну, там особо ничего. Единственное, что время не ограничивали пребывания в больнице. А так, кормежка. У деда там была общая палата. Потом в палату два человека, это где уже умирали некоторые. Вот в последний раз я у него был, я принес ему клубники и кормил его клубникой, деда. А потом он сказал: «Иди». Ушел, а через пару дней.... Я на работе. А я же в Москве работал. Позвонили: «Василий Александрович умер». Вот так. А похоронили, контора московская, такие очень хорошие, солидные похороны, поминки устроили деду. В общем-то, знали его по Норильску. Там куча телеграмм соболезнующих у меня лежит еще. Так кончилось. Белокровие. А тогда поражение, радиоактивность не писали нигде. Находили любое, что угодно, белокровие, самое радиационное поражение никому не писали нигде. Что-то скрывали. Вот так.

01:11:13

А почему вообще вот эта Кыштымская авария такая?..

А?

01:11:17

Почему Кыштымская авария как-то меньше известна, чем...

А вы не знаете?

01:11:20

Нет, я знаю. Но почему она?..

Ну там взорвалось хранилище радиоактивных отходов. И разбросало кругом полно.

Перегрелось что-то, я точно не знаю. Где-то в интернете есть описание этой Кыштымской аварии, но заражена была громадная территория. Поражен скот. Всё осталось там. Скот убивали. Людей выводили в чем был оттуда. Вот так. Потом батя умер. Я работал, определил своих сыновей в энергетику. Четко. Хорошая работа. Карьеру себе делали оба. Оба парня толковые ребята, во! И невестки во! И внуки во! И правнуки. Я счастливый человек. Вот там две правнучки моих и правнук. Одна правнучка вон на руках, только родилась. Сыновья у меня замечательные. Правда, ругают[ся] на меня, плохо себя веду. А невестки, я сейчас хвалиться начну, замучали. Как приезжают, привозят что-нибудь вкусненькое: «Дед, кушай». А я уже не могу. Ну привезут, что делать? Выбрасывать нельзя. Мучаюсь, доедаю. Вот так вот. Вообще, я счастливый человек? Вся родня, все люди.

01:13:29

Вот этот вот папин арест как на вас повлиял?

Я надеялся, что его оправдают. Причем очень долго. Мама сказала, разберутся, его отпустят. И я верил этому, потом уже много позже я понял, но я начал молчать. А особо разговаривать нельзя было. С соседями нельзя было особо разговаривать. Вообще с кем-то разговаривать на эту тему рискованно было, не стоило особо. Тут мне мама... А я когда в Норильск приехал, первую лекцию, которую мне батя прочитал: «Юра, мы собираемся с друзьями здесь. О чем мы говорим, ты будешь слушать, никому и слова. Никому. . А не то что... Записать нельзя было. Столько можно было записать рассказов. А приятели-то, [нрзб], преподаватель философии, Писарев [нрзб] Иванович, начальник управления семеноводства, зерновых культур, наркомата сельского хозяйства. Писарев. Крыжановский Сергей Федорович. Машинистка генерального штаба в звании полковник. Он рассказывал, как печатали, приносили ему, курьер приносил бумаги в конверте, они шли в отдельную комнату, в комнате стояла машинка на столе, стул и один стул у входа. Вот этот курьер из портфельчика доставал конверт, садился на стул и сидел. Сергей Федорович Крыжановский садился за стол, порядок был, открывал конверт. И вот он печатал, что надо было. Потом брал то, что отпечатал, черновик в конверт запечатывал. Брал копирку и срезал ленту пишущей машинки и запечатывал в отдельный конверт. Эти конверты отдавал курьеру в портфельчик. И тот уходил. Вот такой порядок был. Ну а уникальный [нрзб] Сергей Федорович, Сергей Петрович, человек это для меня был в высшей степени интеллигент. Из глухой деревни белорусской, из глухой, ушел с красногвардейским отрядом только потому, что там кормили. Отец сказал: «Иди, там хоть сытый будешь». А он смысленый, он кончил хозяйственные курсы Красной армии, его отправили куда-то на повышение. Кончилось, его отправили, Сергей Петрович, Сергей Петрович, на курсы хозяйственных работников, обслуживавших дипломатические представительства. Обязательно знание дв[ух] язык[ов], шведский и немецкий он знал. Год практику проходил в посольстве Германии. Там знающие люди учили его как... Потом его отправили в Швецию, к приезду Коллонтай нужно было купить особняк, оборудовать, организовать быт и, короче, сделать нормальное посольство. Причем его предупредили: ни в коем случае не говори, что это советское посольство будет. Придумай, какая-нибудь немецкая фирма, которая собирается открыть в Швеции хозяйство. И Сергей Петрович этим занимался. Когда уже всё подошло, всё готово, выяснилось, шведы отказались соблюдать протокол. К приезду поезда, где Коллонтай приезжает, по протоколу должны были встречать представительство Министерства иностранных дел Швеции. Они отказались. Сергей Петрович кинулся в Москву. Ему говорят: «Сережа, не волнуйся. Сделаешь так. К моему приезду, будешь знать, сколько едет со мной. Закажи моторы, такси, моторы, столько, чтобы в каждом моторе сидел один человек». К приезду Коллонтай площадь вокзальная забита машинами, полиция мечется, репортеры мечутся, никто толком не знает, что. То вдруг объявили. Вот так она, все газеты, шведские, финские, были все забиты сообщениями о приезде российского, советского посла. Вот так она умыла шведов, Александра Михайловна. А потом приехали в посольство.

01:19:39

А вы можете рассказать про нее побольше? Рассказать про Коллонтай побольше чуть-чуть? Рассказать про про Коллонтай можете побольше чуть-чуть? Про Коллонтай рассказать побольше?

Вы знаете, особенно не рассказывал. Я вам скажу, один факт такой был. Они приехали с Коллонтай, ее привез в посольство. Она говорит: «Показывайте, что вы сделали». Пошли. «Так, а где мой кабинет? Сережа, вы забыли, сколько мне лет». А он золото и синий цвет сделал. «Мне нельзя. Зовите хозяина фирмы, пусть приедет, я расскажу, что сделать». И тут он сказал хозяину фирмы, кто будет здесь жить и работать. Тот был в полуобмороке: «Как?» Он ничего не говорил. Она ему рассказала, как сделать. И он всё сделал. За два дня сделали всё как надо, как она сказала. А потом его отозвали в Москву. Поработал он полгода в посольстве, его цап-царап: немецкий шпион. Немецкий! Вот так.

01:21:12

Почему не было какого-то серьезного противостояния государственному террору?

Я так честно скажу. Приятели деды не очень распространялись. Они не любили говорить об этих делах. То, что они между собой разговаривали, я слушал, а так, чтобы рассказать мне, у меня ничего такого особенного не осталось. Тем более что записывать было нельзя. От деда в Наркомате торговли пересадили отдел, Болотина, начальника отдела, расстреляли. Дед говорит, что толковый был мужик. Расстреляли. Особенно к расстрелу в Норильске. Я не знаю, как-то меня это не... Я был в стороне. Тем более что я занят был работой. Я был в редколлегии стенгазеты техникумовской, я работал лаборантом, готовил лабораторные работы для электриков. Что еще? Фотографией много занимался я. Вот так вот. А особо не было у меня такого, чтобы я знал, что кого-то там где-то расстреляли. Я в стороне был.

01:23:06

Расскажите чуть-чуть про Вику и вашего друга. Как вы с ними?..

Как?

01:23:09

Про Вику и про ее мужа, вашего друга, расскажите про них чуть-чуть.

Мишу?

01:23:17

Нет, про Вику и Володина.

А-а. Отца-то расстреляли. Причем продавца. Вообще, женщина, которой при жизни надо ставить памятник, Виктория Валерьяновна. Мы с ней друзья с 1948 года. Ее мама Татьяна Осиповна. Она в маму вылитая, человек высочайшей активности. Сейчас она уже старенькая стала, слабенькая. Не очень, да? А мы с ней познакомились на общественных делах. Она профсоюзными делами занималась, а я в редколлегии. Меня кто-то натолкнул: «Слушай, ты не можешь взять заметку у кого-то, скажи Вике, она выбьет». Она это с успехом делала. У любого, заставит написать заметку в стенгазету. И мы так подружился с ней. Тем более что мы оба арбатские. Вот в чем дело. И когда мы с ней разговорились, мы гуляли по одному бульвару, в один кинотеатр, «Юный зритель», ходили, в художку ходили вместе. Мы жили рядом. Не знали этого, но мы жили рядом с ней. И как-то мы подружился с ними. А с Виктором, когда у меня конфликт с этим типом. Это чепуха. Строили какой-то гидроузел тахиаташский в Средней Азии. А этому типу, не раз это Тахиаташ, он говорил «тихий аташ», а я, набравшись наглости, взял поправил его: Тахиаташ. Он прошел мимо. А снова «тихий аташ». А я громко: «Тахиаташ». — «Ну что ж с ним сделать, с сыном врага народа». На меня. Витька-то видит, он на перемене подходит: «Юр, не трогай его». И мы с ним подружился, поняли, что мы, я уже говорил, одной крови. И мы так подружился. А Витька сох по Вике еще я не знаю с каких времен. Серьезно. И пока я у них на свадьбе был свидетелем. Ну, сох Виктор Андреевич. И всё. Ну, что тут сделаешь? Вот так вот. А его отец был в Китае, в КВЖД. Был продавцом у японского хозяина в магазине. И его, когда вернулся в Минусинск, он там какой-то мельницей заведовал, арестовали как японского шпиона и расстреляли. Отца Вики. Виктора. То, что я знаю. А вернулся он с фронта, у него орден Красного Знамени, Красной Звезды, медали. Пришел поступать в техникум и свои регалии не одел, в рубашке. А когда написал, что такое, его не приняли в техникум как сына врага [народа], также, как и меня. А он тогда одел свою форму и пошел к начальнику политотдела. Тот поднял трубку: «Принять». И Виктора приняли. А меня из Москвы позвонили: «Принять». Вот так. Телефоны.

01:27:39

Как вы к сегодняшней политике к современной относитесь?

Я уважаю Путина, но я не совсем с ним согласен. Уж очень много развелось нахребетников, вроде Абрамовича и прочее. Нельзя. Хотя последние действия Потанина внушают уважение к нему. Хотя не знаю, чем это вызвано. И я очень благодарен Путину за армию, потому что восстановить армию... У меня Петька, брат двоюродный, служил, покойник, к сожалению, [нрзб]-инструктор, инспектор главного штаба ВВС, он мне рассказывал, что творилось в армии. Это был кошмар. Навели порядок сейчас. Вот другой брат двоюродный, Юра, питерский, он ракетчик, уже на пенсии. Рассказывает сейчас, у него приятелей много, говорит, порядок начали наводить. Хотя бы армию оживлять начали, восстанавливать. Так что я считаю, что, на мой взгляд, он что-то, Путин, правильно делает. Но не всё. Не всё. Эти самые, как их? Короче, которые хватают всё, нужное и ненужное, таких полно. Всё, что можно ухватить, хватают. И вроде как им разрешают. Правда, в последнее время начали прижимать. Поживем, увидим. В общем-то, я Путина одобряю. И очень мне нравится Мишустин. Медведев — это был тьфу! А вот Мишустин мне нравится, деловой мужик, правильный. А от Медведева, слава богу, избавились. Вот мое [мнение]. Шойгу нравится мне. А кто придет на смену Путину, мне бы

интересно дожить и посмотреть, чем это всё кончится. Не началось бы, как Сталин помер, как батя говорит, началась свалка, захват власти. Как бы сейчас такого не получилось снова. Ой, наговорил я вам. Я очень доволен жизнью своей. У меня жизнь удалась, у меня сыновья. Батя мой, хотя, конечно, он умер, попал под радиацию, но он жизнь счастливо закончил. Он видел внуков своих, он очень доволен был. Мама то же самое. Она последние годы не работала, вела домашнее хозяйство, но она довольна жизнью была. Мы перебрались. Бате дали квартиру вот эту. Кстати говоря, после реабилитации, когда он в Москве работал, ему дали квартиру, наша арбатская была квартира, а эту квартиру он получил как реабилитированный. Сначала на Рошинской дали ему квартиру, а потом начали к тому дому, где получил, начали пристраивать еще один корпус. ЗИловский. Это тоже ЗИловский дом. И деда переселился сюда. Он довольный. Он как-то мне сказал: «Знаешь, всё-таки хорошо, что у меня жизнь закончилась счастливо. А сколько людей сгинуло. Ты знаешь, нужно было строить норильский комбинат. Позарез нужно было строить. Но если бы не эти сволочи, столько людей не загубили бы. Можно было, не загубивши столько людей, то же самое построить комбинат норильский». Я считаю, что он прав. Песцовая сопка за ТЭЦ-2. Это неофициально. Там кладбище. А там собирались строить [нрзб] устройство. Я пошел смотреть. Там груды, куча человеческих костей. За ТЭЦ-1. На Песцовой сопке. Кого там хоронили? Кто хоронил? Никто не знает. И за Гучихой, в сторону Ергалаха, тоже я там не был, у меня Миша был там, то же самое — полно человеческих костей. Сколько там? Как забили? Кого? Никто не знает. А под Шумихой кладбище вообще взяли заасфальтировали, забетонировали. Это вообще... Ну, поставили там эти памятники. Всё было там... Забетонировали, заасфальтировали. Уничтожили память. Вот так вот. Ну, что вам еще рассказать?

01:34:18

Как сыновья относятся к истории семьи?

Вы знаете, не очень им это интересно. Я очень сожалею, я им вталкиваю, вдальбываю. Еще у меня внук, Данила, очень интересуется этим делом. Сын младшего, Андрея, Данил Андреевич, он очень интересуется вообще историей. А остальные, ну, Виктор, Андрей, у них другие интересы. Они хозяйчики, занимаются сельским хозяйством. Не очень. Я им рассказываю, говорю, а они слушают, но особого интереса, к сожалению, не принимают особо это дело. И вообще нынешняя молодежь не очень. У меня внук другой, Антон, тоже, ему это лампочки. У него деньги — зарабатывать.

01:35:30

Не до лампочки, а до лампы.

Спасибо. [Нрзб] Правильно. Ой, здорово как! Да, вот так вот. Им это не очень интересно, у них сегодняшние дела. Они оба увлечены, и Виктор, и Андрей увлечены сельским хозяйством. У Андрея вообще такой... Барск[ая] усадьба такая, что вообще потрясающая. Внуки... Сашка, хвалиться сейчас буду, она Плехановку кончила. Пришла ко мне: «Дед, я не знаю, что делать. Это не мое. Я боюсь родителям сказать». Я говорю: «Саш, давай я скажу». А Андрей купил себе новый фотоаппарат, она его взяла старый и начала фотографией заниматься плотно. И вот вылезла. Она штатный фотограф компании «Крост». Вот так вот. Это не все ее. Но звучит солидно. Она мне принесла в подарок. Вот так вот. Александра Андреевна. Это она в работе. Сашка. Это она по площадке бегают, а это отдыхает. А это Маша. Внучка. Успешный архитектор. Имеет, свою открыла фирмочку небольшую, принимает заказы, пользуется спросом. А это ее парень. Везет мне?

01:38:08

Класс.

Вот так. А где моих ребят фотографии? Так, еще у меня к вам вопрос.

01:38:34

Да, давайте.

Гаевского что-нибудь знаете? Читали? Довольно много пишет о моем бате.

01:38:53

Да?

О его сопротивлении.

01:39:01

А вы нам этого вообще не рассказали, про...

А я... Началось-то в Красноярске, в пересылке, в Красноярске.

01:39:10

А, так расскажите.

Дед там возглавил протест заключенных политических. В пересылке в Красноярске.

01:39:19

Ваш отец?

Мой отец. Он добился, они добились, что их поселили отдельно от уголовников. И до Норильска он возглавлял, пока их не разогнали по лаготделениям. Протест?

01:39:43

Да.

А я сейчас найду. Он описывает, короче, вот так. Протест. Их когда пригнали, выгрузили в зону, пересылку, их окружили уголовники и пытались начать отбирать вещи. Батя мой скомандовал: «Товарищи, круговую оборону держать, отбиваться будем вместе». Там уголовники полезли. А дед скомандовал лечь всем и заявил начальнику караула: «Или вы отгоните уголовников, или мы будем лежать, хоть стреляйте нас». Они ждали приезд начальства. И уголовникова отогнали. У них ничего не отобрал никто, уголовников, из этой партии. А потом их расселили отдельно, и везли на барже тоже отдельно от уголовников, и в Норильске уже всё кончилось. Их разогнали, разогнали по разным лаготделениям. Уже там его, деда, Василия Александровича, моего, команда кончилась. Но его знали. Вот это возили контру в Москву. А то, что ездил Гаевский, это вообще фантастика. Заключенный почти, по [нрзб] НКВД полномостный хозяин был, командовал, что взять, что брать. Выделяли людей ему, военнослужащих, на погрузку. Всё у Гаевского. А у него документов не было. У него требовали аттестат, а он говорит, что там сволочи в Норильске никак не могут выслать аттестат. А ему, он не офицер, ему аттестата не полагалось. Вот тут он описывает начало: «Был в нашей группе рослый молодой и физически здоровый репрессированный Василий Егоров, впоследствии, после революции, он стал заместителем директора комбината. Он сказал: “Товарищи, не идите в бараки до тех пор, пока к нам не придет кто-нибудь из начальства. Иначе [нрзб]”. А находящимся на вышках охранникам крикнул: “Немедленно вызывайте начальство, иначе мы идем на ограду и можете в нас стрелять”. Такого, как потом говорили, на перевалке не было. Начальство появилось, выслушало Егорова, распорядилось освободить в одном из барачков отдельную секцию и поселить нас всех вместе. В этой секции мы организовали круг [нрзб], а Егорова избрали старостой. Прожили благополучно до погрузки на баржу». Вот тут они приехали в Дудинку когда, там их расформировали всех по разным лаготделениям. Так что полномочия старосты Егорова кончились на этом. Вот так.